

УДК 94

КУЛЬТЫ СВЯТЫХ ПРАВИТЕЛЕЙ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ: ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕЛИГИОЗНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО

Н.Ю. Бикеева, А.Д. Мокрополова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420080, Россия

Аннотация

В статье рассматривается проблема взаимодействия религиозного и социально-политического содержания образов святых правителей раннесредневековой Европы и функции их культов в обществе. Авторы статьи приходят к мнению, что, несмотря на существование различных моделей культов святых правителей, им были присущи общие черты. Они нередко становились важным элементом политической практики и социального взаимодействия. В образе святого правителя отчётливо прослеживается соединение двух важнейших аспектов Средневековья – религиозного и политического, святости и власти. Возникновение культов знатных святых и святых правителей в раннее Средневековье было обусловлено взаимодействием светской аристократической и церковной среды. В образе святых королей воспроизведены традиционные модели святости и отражена скорее негативная оценка светской власти церковным сознанием. Одновременно присутствует стремление представить их как образцовых христианских правителей, защищающих христианство и церковь и отмеченных личным благочестием. В образе норвежского короля св. Олава противопоставление светского и духовного просматривается в гораздо меньшей степени. Он изображён не только как носитель христианских добродетелей, но и как могущественный и храбрый правитель.

Ключевые слова: святость, раннее Средневековье, агиография, святые королевы, культы святых правителей, Радегунда, Олав, Сага, христианизация

Феномен святости является не только типичным для средневековой религиозности, но и одним из основных элементов социокультурной и духовной жизни этой эпохи. Изучение культов христианских святых находится сегодня в центре внимания медиевистов, поскольку способствует более глубокому пониманию закономерностей и особенностей развития средневекового общества.

Одна из современных научных тенденций – изучение культов святых в контексте социальных практик и поведения, то есть того, что входит в систему социальной коммуникации. Кроме того, образ святого был наделён функциями патроната – защиты и покровительства сообщества. Не случайно в Средние века представители власти проявляли заботу о культе какого-нибудь святого, активно участвовали в публичных ритуалах поклонения святым и их мощам. Это указывает на значимость религиозных символов, прежде всего образа святого,

в политике правителей данного периода для утверждения престижа отдельного её представителя или целой династии.

В рамках этой тематики отдельным аспектом является изучение культов святых правителей. Святые короли были светскими государями, причисленными к лику святых благодаря своим поступкам или образу жизни. Как указывает М.Ю. Парамонова, святые короли – «сравнительно многочисленная группа в пантеоне европейских средневековых святых в VI – XIV вв.» [1, с. 478].

Средневековые культы святых правителей – важный источник для изучения политических практик и представлений о власти. Сопоставление различных королевских культов, возникших в разных регионах, представляется одним из путей изучения механизмов формирования религиозных аспектов власти и их влияния на практики господства.

Несмотря на то что святые короли были канонизированы и почитались наряду с другими католическими святыми, особенности формирования их культов были связаны с отличительными чертами жизни их как светских правителей. В соответствии с этим вырабатывался особый образ святого. В отношении западноевропейской практики можно отметить, что «святой правитель если и был типической фигурой, то не столько как воплощение власти и её харизмы, сколько как идеал христианского правителя и персонифицированная норма истинно религиозного поведения» [2, с. 10]. В образе святого правителя отчётливо прослеживается соединение двух важнейших аспектов Средневековья: религиозного и политического, святости и власти.

Главной предпосылкой возникновения культов святых правителей в средневековый период является слабость королевской власти: «Там, где власть короны была слабой, церковь стремилась поддержать её путём создания культа святого правителя; где монархия была сильна, святой правитель отсутствовал»¹ [3, р. 5]. Таким образом, возникновение культов знатных святых и святых правителей в раннее Средневековье было обусловлено взаимодействием светской аристократической и церковной среды.

В эпоху раннего Средневековья святыми становились не только мужчины, но и женщины высокого статуса: аббатисы, монахини, а также благочестивые жёны, дочери и другие знатные родственницы правителей. Венгерский историк Г. Кланицай обнаружил, что для раннего Средневековья более типично появление святых королей, чем королев [4, р. 69–70]. Причина этого, по его мнению, кроется в том, что характерными чертами образа святого были смирение, отказ от мирских благ и аскетизм, что трудно увязывалось с образами «брутальных» королей, но не вредило в глазах подданных образам их супругов или дочерей.

Благодаря своему статусу королевы напрямую могли обращаться к епископам и аббатам. Часто они были посредниками между светскими правителями, с одной стороны, и церковными иерархами – с другой. Тем самым они имели определённые рычаги воздействия на властные структуры. Им был открыт доступ к доходам королевства. Королевы и знатные вдовы щедро одаривали церкви, основывали монастыри и лечебницы, освобождали рабов, раздавали милостыню нуждающимся. Как известно из сочинения раннесредневекового хрониста

¹ Здесь и далее перевод наш. – Н.Б., А.М.

Григория Турского (Т.), подобными делами, в частности, прославилась королева Хродехильда (Chrodechild, Clotild, 475–545), жена Хлодвига, основателя франкского королевства: *Что же до королевы Хродехильды, то она вела такую жизнь, что снискала у всех почёт и уважение... Она заботилась об имуществе для церквей и о необходимых вещах для монастырей и для всяких других святых мест и всё это раздавала щедро и охотно, так что в то время думали, что она усердно служит Богу не как королева, а как преданная ему слуга, которую ни королевская власть, ни мирская суетность, ни богатство не привели к падению, но смирение возвысило к благодати* (Т., III, 18, с. 73²).

Модель святой королевы наиболее полно представлена в житиях св. Радегунды³, одной из самых известных и почитаемых персон в истории меровингской Галлии (Radegund, между 518 и 521 – 587) (см. [5]).

Её первый агиограф Венанций Фортунат (Venantius Fortunatus, между 530 и 540 – около 600), обращает внимание на аскетизм, милосердие и набожность своей героини (Ф.). Будучи королевой, она избегала любых атрибутов королевской власти (Ф., 3, р. 366; 9, р. 368), раздавала милостыню бедным и делала богатые подношения монастырям. Кроме того, она спасала от смерти осуждённых на казнь её мужем или хлопотала об освобождении из тюрьмы заключённых (Ф., 10, р. 368; 11, р. 368). Здесь Фортунат переводит мотив милосердия из плоскости социальной благотворительности в русло обсуждения социальных практик, характерных для правителя.

В сочинении Венанция Фортуната влиятельная королева превращается в смиренную служанку. Агиограф стремится умалить её высокий статус в миру, который может помешать восприятию его героини в качестве образцовой святой. В противоположность этому автор второго жития Радегунды⁴, монахиня Баудонивия (Baudonivia, последняя четверть VI в. – начало VII в., точные даты жизни неизвестны), наоборот подчёркивает знатное происхождение своей героини (В.), сообщая, что Радегунда «королевского происхождения и унаследовала благородство» (“regalis origo vel dignitas”) (В., 1, р. 379). Для Баудонивии знатность является важной составляющей способности человека править (см. [6, с. 799]).

Святой, безусловно, должен быть носителем религиозных достоинств и добродетелей. Поэтому Радегунда в сочинении Баудонивии являет собой не только благородство знатного королевского рода, но и идеал веры, что в целом свойственно агиографии того времени (В., 1, р. 380). Баудонивия также заключает, что прирождённое благородство Радегунды выявилось более отчётливо благодаря её вере в христианского Бога (В., 10, р. 385). Будучи королевой-христианкой, она всячески способствует искоренению язычества и распространению христианства в королевстве (топос заботы о церкви и клире) (В., 2, р. 380). Тем самым Баудонивия в своём житии создаёт образ праведного правителя, подчёркивая пастырские обязанности Радегунды.

² Здесь и далее в скобках указывается сначала том (книга), глава первоисточника, затем страница используемого печатного издания.

³ Она являлась супругой франкского короля Хлотаря I, покровительницей города Пуатье, в котором основала один из первых женских монастырей. В середине 50-х годов VI в. она решила посвятить себя служению Богу.

⁴ Оно было написано в начале VII в., приблизительно через 10–15 лет после написания Фортунатом первого жития Радегунды.

Можно сделать вывод о том, что подобный образ святого правителя являлся идеализированным и был подчинён христианским представлениям о нормах морали и праведности.

Наибольшую известность Радегунда получила за щедрость и раздачу милостыни. Фортунат пишет: “*Nam cum sibi aliquid de tributis accideret, ex omnibus quae venissent ante dedit decimas quam receipt. Deinde quod supererat monasteriis dispensabat et, quo ire pede non poterat, transmissio munere, circuibat*” (F., 3, p. 366). – «Всякий раз, когда к ней поступали подати, она отдавала десятую часть из всего, что получила, прежде чем принимать что-либо для себя. Затем то, что оставалось, она отдавала в монастыри, посылая подарки тем, до кого она не могла добраться пешком» (Ф., 3, с. 190).

Подобным образом описана и другая меровингская святая королева Бальтильда (*Balthildis, Bathildis*, около 630/635–680)⁵. Находясь у власти, она покровительствовала аббатствам, монастырям и церквям, а также основала два новых королевских монастыря в Шелле и Корби. При поддержке Бальтильды в крупнейших соборах страны распространилась единая процедура мессы. Кроме того, королева запретила продавать христиан в рабство. Благодаря этим мерам и личному благочестию Бальтильда заслужила репутацию святой [8, p. 264–268]. Как указано в её житии (Б.), благотворительность королевы не была ограничена пределами франкского государства. Так, например, римские базилики св. Петра и св. Павла получили значительные дарения от королевы, также от её имени раздавались средства римским беднякам (Б., p. 272–273).

Ещё в 60-х годах XX в. чешский историк Ф. Граус выделил три типа королей, удостоенных религиозного почитания в раннее Средневековье: короли-аскеты, короли-мученики и короли, вызывавшие особые эмоции у своего народа благодаря характерным чертам правления, как правило, миролюбию [9]. Такими деяниями наиболее прославилась королева-монахиня Радегунда: “*Semper de pace sollicita, de salute patriae curiosa, quandoquidem inter se regna movebantur, quia totos diligebat reges, pro omnium vita orabat et nos sine intermissione pro eorum stabilitate orare docebat. . . Et, intercedente ea, pax regum, mitigation bellii, salus patriae aderat*”. – «Всегда беспокоясь о мире, о благополучии отечества заботясь, всякий раз, когда королевства начинали воевать между собой, поскольку она любила всех королей, за жизнь каждого молилась и нас учила молиться непрестанно за спокойствие в королевствах. . . Так, благодаря её заступничеству установился мир в королевстве, прекратились войны, настало благополучие в стране»⁶ (В., 10, p. 384–385).

В раннее Средневековье влиятельным женщинам нередко приписывалась роль миротворцев и инициаторов переговоров [10]. Также через них своё влияние на события и светских правителей-франков могли оказывать и прелаты, преимущественно галло-римляне по происхождению.

⁵ В русскоязычной литературе существует традиция именовать её Батильда (см., например, ХФ). По мнению Н.Ю. Бикеевой, к оригиналу ближе «Бальтильда» – от лат. *Balthildis*. Буква *l* в латинском языке, как известно, передавала мягкий звук – [л’]; сочетание *th* произносится как русское [т]. В «Словаре немецких личных имён» указано: «*Balthilde* – ж. Бальтхильде /древневерхненемецкий *bald* – смелый + *hiltja* – битва» [7, с. 38]. Но к VII в. – периоду жизни Бальтильды, вероятно, данный вариант произношения мог под влиянием латыни измениться и звук [х] исчез.

⁶ Перевод с латинского Н.Ю. Бикеевой.

В житии королевы Бальтильды, написанном под воздействием житий св. Радегунды, также уделяется внимание её миротворческой роли на благо франкского королевства. Её агиограф указывает, что благодаря ей установился мир между Австразией, Бургундией и Нейстрией (Б., р. 270).

Сегодня историческая наука располагает множеством исследований, в центре которых находится этот особый тип христианского святого – святой правитель. В историографии признано существование нескольких моделей культов святых правителей, различия между которыми обусловлены главным образом географическими и хронологическими рамками. В частности, можно выделить западноевропейскую, англосаксонскую, североевропейскую (скандинавскую) и центральноевропейскую модели.

Развивая идею о существовании различных моделей культов святых правителей, Г. Кланицай подчёркивает особенности, присущие святым королям народов, сравнительно поздно обращённых в христианство. Речь идёт о регионах Германии, Британии, Скандинавии и Центральной Европы: «Новая модель была создана из взаимодействия трёх обособленных элементов: христианизированной версии позднеантичного ритуала почитания; сил заступничества, приписываемых культам святых; и, конечно, разнообразных языческих атрибутов священного статуса правителя» [4, р. 63]. Учёный отмечает, что такие культы святых были характерны для европейской периферии VII – XI вв. Некоторые параллели между королевской святостью в Англии и Скандинавии проводит английский историк С. Ридьярд, в центре исследования которой механизмы распространения культов святых правителей [3, р. 2].

Безусловно, ввиду специфики исторического развития культуры, например, скандинавских святых в целом отличают некоторые особенности, не имеющие параллелей за пределами региона. Так, категория святых миссионеров, изучению которых посвящена статья Х. Антонссона [11], включает не только собственно миссионеров в узком понимании, но и королей, обративших население подвластных земель в христианство: «...поздно перешедшие в христианство Скандинавия, Центральная и Восточная Европа создали другой тип святого миссионера, а именно короля-прозелита» [11, р. 18]. Однако исследователь отмечает, что средневековые источники явно преувеличивают роль правителей в обращении своего народа. В качестве классического примера он приводит Олава Харальдссона (Olaf II Haraldsson, 995–1030) и Харальда Синезубого (Harald Blaatand, 911–988/991) – норвежского и датского правителей, подвергшихся мученической смерти от рук приверженцев старых, языческих верований и канонизированных впоследствии.

Среди отечественных исследователей наиболее подробно и полно вопросы формирования, распространения и функционирования культов святых правителей рассмотрены в работе М.Ю. Парамоновой «Святые правители Латинской Европы и Древней Руси» [2]. По её мнению, в сознании подданных существовало несколько версий образа одного и того же правителя: в одном случае он выступает как чудотворец, в другом – благочестивый христианин, в третьем – типичный светский правитель своего времени и т. д. «Воспринимая реальный персонаж как прототип, социальное сознание создаёт разные “редакции” образа, наделяя его актуальным для него содержанием и функциями...» [2, с. 24].

М.Ю. Парамонова отмечает определённое сходство в функциональном и агиографическом аспектах культов святых правителей в Скандинавии и Англии, которое «объясняется своего рода прямой преемственностью между англосаксонской и скандинавской традициями: более поздние по времени скандинавские культы святых правителей формировались на основе англосаксонского опыта церковного и политического функционирования святых правителей» [2, с. 36].

Исходя из упомянутых выше моделей, можно выделить ряд важных характеристик, присущих культам святых правителей независимо от географических и хронологических рамок их существования. Их изучение составит основу любого исследования, посвящённого проблемам формирования, восприятия и функционирования таких культов. Таким образом, можно выделить следующие аспекты (функции):

- политические (легитимация власти правящей династии и/или отдельного правителя; консолидация всего населения или его отдельной группы);
- религиозные / церковные (значение культа в масштабах всей страны или отдельно взятой местности);
- социальные (роль святого как заступника, патрона, целителя).

Свойственны ли это всем, в том числе периферийным областям Европы? Изучая вопросы, касающиеся христианства и церкви в странах Северной Европы и, в частности, Скандинавии, всегда нужно учитывать их развитие. Главным обстоятельством является, конечно же, более позднее время принятия христианства, обусловленное географической отдалённостью этих регионов и особенностями политической истории. Это обстоятельство не могло не оказать влияния на процессы складывания культов святых правителей в этой части Европы.

В отдалённых регионах Европы, каковыми являлись скандинавские страны, формируется особый тип короля-святого, получивший распространение и в англосаксонской традиции. Образ Олава Святого в Норвегии отчасти является примером такого типа святого правителя, однако в то же время необходимо учитывать, что погиб он от рук своих политических противников.

Олав Харальдссон, или Олаф Святой – фигура, значимая как для скандинавской Церкви, так и для истории этого региона в целом, но особенно Норвегии. Период его правления приходится на 1014–1028 гг., отмеченные борьбой за объединение страны и централизацию власти, а также решительными мерами по христианизации населения. Однако усилия, предпринятые королём Олавом, не были успешными, он погиб в сражении при Стикластадире, а Норвегия попала под власть датской монархии. Вскоре намечается тенденция к его канонизации, после которой Олав становится не просто святым, а королём – небесным защитником Норвегии [12, р. 67].

Источником, в котором прямо артикулируется статус Олава как вечного правителя Норвегии (“*perpetuus rex Norvegiae*”), является анонимная «История Норвегии» (Н, р. 86). Она написана на латыни и датируется XII в. Текст этот поздний, и, по-видимому, он отражает уже устоявшееся восприятие фигуры Олава и его место в церковной и политической истории Норвегии. К сожалению, в полном объёме «История Норвегии» не сохранилась.

Самым ранним источником и вместе с тем наиболее достоверным считаются произведения исландских скальдов – современников Олава [13, с. 230]. Наиболь-

шее количество отрывков из их поэм дошло до нас в составе компиляции королевских саг Снорри Стурлусона «Круг Земной» (С.). Оформление культа св. Олава происходит в обстановке недовольства норвежской знати законами датского конунга Свейна. Это явилось важнейшей предпосылкой создания культа и в то же время показывает консолидирующую роль фигуры Олава по отношению к норвежской аристократии. Примечательно, что и датский конунг Свейн присутствует при извлечении из земли мощей Олава: «...Епископ с согласия конунга [Свейна] и по решению всего народа объявил, что Олав конунг – святой» (С., Сага об Олаве Святом, ССXLIV, с. 373). Таким образом, датский правитель сыграл определённую роль в формировании культа Олава, что, в свою очередь, могло стать стимулом для его дальнейшего распространения по всей Скандинавии.

Церковные функции культа, несомненно, проявляются сразу после признания Олава святым. Мощи были перенесены в церковь св. Клеменса, построенную самим Олавом в Нидаросе (Тронхейме), после чего этот город становится центром паломничества, здесь построено несколько новых церквей. Укреплению католической церкви в Норвегии служило и введение празднования дня св. Олава, инициированное его сыном Магнусом (С., Сага о Магнусе Добром, X, с. 384). Впоследствии именно в Нидаросе в 1152 г. учреждено норвежское архиепископство: «[Николас] постановил, что престол архиепископа должен быть в Нидаросе в Церкви Христа, где покоится конунг Олав Святой» (С., Сага о сыновьях Харальда Гилли, XXIII, с. 530).

Социальные функции культа Олава воплотились прежде всего в его способностях к исцелению. К сюжетам об излечении слепых и немых обращаются и скальды, и Снорри Стурлусон в своих сагах. В частности, последний пересказывает свидетельство скальда Торарина Славослова: «Торарин говорит, что к Святому Олаву конунгу приходило множество всякого народу – хромые, слепые или страдающие другими немощами – и все уходили от него исцелёнными» (С., Сага об Олаве Святом, ССXLV, с. 375). Культ Олава приписывали не только исцеляющие свойства. Сага о Магнусе Голоногом упоминает пожар в Нидаросе, который был остановлен благодаря раке с мощами св. Олава, вынесенной из церкви и поставленной перед огнём. Сага о сыновьях Магнуса Голоного описывает чудесное освобождение датского юноши из вендского (вандальского) плена.

В ходе изучения текста саги становится понятно, что в ней прослеживаются две тенденции. С одной стороны, св. Олав предстаёт как классический скандинавский конунг, храбрый воин, не знающий пощады, а с другой – он король-миссионер, прилагающий массу усилий для христианизации страны, а также правитель щедрый, к тому же обладающий даром исцеления.

Первоначальная характеристика Олава в целом соответствует тому, как саги обычно описывают своих героев: «Олав сын Харальда был невысок, коренаст и силён... взгляд острый и страшно было смотреть ему в глаза, когда он гневался. Олав владел многими искусствами: хорошо стрелял из лука, отлично владел копьём, хорошо плавал. Он сам был искусен во всяких ремёслах и учил других» (С., Сага об Олаве Святом, III, с. 167–168). В этом отрывке Олав соответствует мужскому идеалу скандинавского общества, в сагах можно найти множество подобных описаний других персонажей.

Характер Олава представляет собой переплетение традиционных скандинавских черт и качеств, ценившихся христианским обществом. В одних отрывках Олав выступает как храбрый воин, сражающийся с викингами, захватывающий их имущество и потому отчасти сам являющийся викингом (С., Сага Об Олаве Святом, VI – VII, с. 169–171).

В то же время мы видим конунга прилежным христианином. Он немало времени уделял молитвам и зачастую надеялся на помощь Бога. Кроме того, из саги можно узнать, что постройка нового дома для конунга обычно сопровождалась постройкой церкви поблизости. Среди ближайшего окружения саги называют также епископов, которые выступали как советники при принятии новых законов и при решении судебных тяжб. Наряду с качествами, присущими светскому правителю, саги наделяют Олава христианскими добродетелями: «Олав конунг был человеком добродетельным, сдержанным и немногословным. Он был охоч до всякого добра и щедро его раздавал» (С., Сага об Олаве Святом, LVIII, с. 175).

Важной стороной деятельности конунга было крещение населения по всей стране. Это, конечно, одна из главных сюжетных линий в саге, и здесь конунг выступает как твёрдый, непреклонный правитель. «На каждом тинге он велел читать христианские законы и заповеди. Он запрещал многие дурные обычаи и языческие обряды» (С., Сага об Олаве Святом, LX, с. 198).

После повествования о битве при Стиклекстадире и гибели конунга следует описание различных чудес. Среди них чудо с телом конунга. Несмотря на то что он не был погребён в течение года, его тело не подверглось разложению: «А когда со дня кончины Олава конунга прошло двенадцать месяцев и пять дней, гроб с его святыми останками открыли... Когда Гримкель епископ подошёл к гробу Олава конунга, из него разносилось благоухание. Епископ открыл лицо конунга. Оно совсем не изменилось, и щеки розовели, будто конунг только что уснул» (С., Сага об Олаве Святом, CCXLIV, с. 373). При этом «о возникновении собрания чудес (*miracula*) св. Олава можно говорить лишь через век после гибели конунга» [13, с. 232], так же и оценка роли Олава как короля-крестителя Норвегии даётся гораздо позднее [11, р. 18].

Таким образом, в культе св. Олава имеется переплетение обычаев, типичных для дохристианского скандинавского общества, с традициями, привитыми христианской верой. Начиная свой жизненный путь как викинг, он в итоге становится одним из самых почитаемых в Скандинавии святых. В его характере сочетаются, с одной стороны, твёрдость и непреклонность, храбрость в боях, с другой – христианские добродетели, набожность и миссионерская деятельность.

Подводя итог, необходимо отметить, что в настоящем исследовании основное внимание было уделено проблеме бытования культов святых правителей в социально-политическом пространстве раннесредневековых обществ. В работе сопоставлены образы меровингских королей (Хродехильды, Радегунды, Бальтильды) и норвежского конунга Олава Харальдссона, относящиеся к разным временным периодам (V – VII вв. и XI в. соответственно) и регионам (франкская Галлия и Скандинавия), а также к разным жанрам (агиографическому и литературному). В образе святых королей воспроизводятся традиционные модели святости и отражается скорее негативная оценка светской власти церковным

сознанием. Святой правитель был «святым» благодаря тому, что он переставал быть собственно правителем. Наряду с этим в житиях святых королей присутствует стремление представить их как образцовых христианских правителей, защищающих христианство и церковь и отмеченных личным благочестием – смирением, милосердием, пренебрежением мирским ради духовного. В образе св. Олава противопоставление светского и духовного просматривается в гораздо меньшей степени. Норвежский конунг изображён не только как носитель христианских добродетелей, но и как могущественный и храбрый правитель.

В данной работе предпринята попытка рассмотрения сложного взаимодействия двух сфер сознания – политического и религиозного – на примере различных культов святых правителей. Несомненно, для выяснения проблемы соотношения религиозной святости и сакрального статуса земного правителя требуется привлечение гораздо большего материала, касающегося различных регионов западной, северной и центральной Европы.

Совмещение в агиографических и литературных текстах религиозных и политических аспектов бытования культов святых правителей отражает своеобразие социально-культурной ситуации, характерной для раннесредневековых обществ. В частности, речь идёт о важной роли знатных могущественных персон в распространении христианства в их землях, что вызывало особый интерес к ним со стороны церкви. С одной стороны, правители и их родственники оказывали практическую помощь, основывая церкви и монастыри, щедро одаривая их, покровительствуя и защищая, с другой – их личный пример религиозного благочестия обладал силой морального воздействия на население, склонного воспринимать правителей как образец для подражания.

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 15-01-00353).

Источники

- В. – *Baudonivia. De Vita Sanctae Radegundis* // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Merovingicarum / Ed. B. Krush. – Hannover, 1888. – Т. II, V. 2. – С. 377–395.
- Ф. – *Fortunatus V. De Vita sanctae Radegundis* // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Merovingicarum / Ed. B. Krush. – Hannover, 1888. – Т. I, V. 2. – С. 364–376.
- Н. – *Historia Norvegie* / Ed. I. Ekrem, L.B. Mortensen. – Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 2006. – 245 p.
- С. – *Снорри Стурлусон. Сага об Олаве Святом* // Снорри Стурлусон. Круг Земной / Пер. с древнеисл. М.И. Стеблин-Каменского, О.А. Смирницкой, Ю.К. Кузьменко, А.Я. Гуревича. – М.: Наука, 1980. – С. 167–378.
- Т. – *Григорий Турский. История франков* / Изд. подгот. В.Д. Савукова; Отв. ред. М.Л. Гаспаров – М.: Наука, 1987. – 462 с.
- Ф. – *Венанций Фортунат. Житие святой Радегунды* / Пер. с лат., коммент. Н.Ю. Бикеевой // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. – 2012. – № 20. – С. 188–204.
- Б. – *Life of Blessed Queen Balthild* // McNamara J.A. *Sainted Women of the Dark Ages*. – Durham; London: Duke Univ. Press, 1992. – P. 268–278.
- ХФ – *Хроники Фредегара* / Ред. Г.А. Шмидт. – СПб.: Евразия: Клио, 2015. – 461 с.

Литература

1. *Парамонова М.Ю.* Святые короли // Словарь средневековой культуры / Под ред. А.Я. Гуревича. – М.: РОССПЭН, 2003. – 656 с.
2. *Парамонова М.Ю.* Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебского культов. – М.: Ин-т Всеобщей истории РАН, 2003. – 405 с.
3. *Ridyard S.J.* The royal saints of Anglo-Saxon England: A Study of West Saxon and East Anglian Cults. – Cambridge: CUP Archive, 1988. – 340 p.
4. *Klaniczay G.* Holy rulers and blessed princesses: dynastic cults in medieval central Europe. – N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2002. – XVIII, 490 p.
5. *Bikeeva N.Yu.* “Secrecy” in the Asceticism of St Radegund According to Venantius Fortunatus’ Vita // Terra Sebus: Acta Musei Sabesiensis. – 2014. – Spec. Issue. – P. 445–457.
6. *Бикеева Н.Ю.* «Тайный» аскетизм св. Радегунды: конструирование святости в агиографии раннего Средневековья // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 3. – С. 796–806.
7. *Александрова Т.С., Добровольский Д.О., Салахов Р.А.* Словарь немецких личных имён: Происхождение, значение, употребление. – М.: Рус. яз., 2000. – 248 с.
8. *McNamara J.A.* Sainted Women of the Dark Ages. – Durham; London: Duke Univ. Press, 1992. – 369 p.
9. *Grous F.* Volk, Herrscher und Heiliger im Reich der Merowinger. Studien zur Hagiographie der Merowingerzeit. – Prague: Nakladatelství Československé Akademie, 1965. – 533 S.
10. *Бикеева Н.Ю.* Поэтические послания св. Радегунды в Константинополь: «женские письма» как фактор внешней и внутренней политики франков в 60-е гг. VI в. // Ляпсусы и казусы в европейской эпистолярной культуре / Отв. ред. А.В. Стогова. – М.: Ин-т Всеобщей истории РАН, 2016. – С. 10–34.
11. *Antonsson H.* The Early Cult of Saints in Scandinavia and the Conversion: A Comparative Perspective // Saints and their Lives on the Periphery: Veneration of Saints in Scandinavia and Eastern Europe (c. 1000–1200). – Turnhout: Brepols Publ., 2010. – P. 17–34.
12. *Ommundsen A.* The cults of Saints in Norway before 1200 // Saints and their Lives on the Periphery: Veneration of Saints in Scandinavia and Eastern Europe (c. 1000–1200). – Turnhout: Brepols Publ., 2010. – P. 319.
13. *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе: Текст, перевод, комментарий / Под ред. В.Л. Янина. – М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2012. – 779 с.

Поступила в редакцию
15.05.16

Бикеева Наталья Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: binata@rambler.ru

Мокрополова Анастасия Дмитриевна, аспирант кафедры всеобщей истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: anastasia.mokropolova@yandex.ru

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2016, vol. 158, no. 6, pp. 1448–1458

**The Cults of Holy Rulers in the Early Medieval Europe:
The Interaction between Religious and Political Aspects**

N.Yu. Bikeeva^{}, A.D. Mokropolova^{**}*

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: ^{*}*binata@rambler.ru*, ^{**}*anastasia.mokropolova@yandex.ru*

Received May 15, 2016

Abstract

In this paper, we have made an attempt to review the complex interaction between two spheres of consciousness, political and religious, based on various cults of the saint rulers.

The cults of the saint rulers have a special place among the medieval cults. They were linked with the objectives of political ideology and the sacralization of power. The connection between kingship and sainthood was common in Europe during the period of the 6th – 11th centuries.

The analysis of different types of medieval saint rulers has been performed – Frankish queens, such as Chrodechild (Clotild), Radegund, Balthild (Bathild), as well as King Olav II of Norway. Two types of sources, which reflect the category of sainthood from different approaches, have been considered: hagiographic (Vitae) and literary (Saga).

The analysis of these sources has demonstrated the existence of two ideological traits: one, more dominant, is tied up with the system of Christian religious conceptions, the latter one reflects both Christian and traditional Viking's observances. The image of a holy woman was consistent with the traditional model of holiness and reflected more negative assessment of secular authority by the church consciousness. At the same time, the Lives of saint queens represented them as a model of Christian ruler. The contrast between “secular” and “spiritual” in the image of St. Olav seems less obvious. The Norwegian king was depicted not only as a carrier of the Christian virtues, but as a mighty and valiant ruler. Therefore, it has been revealed that the cults of the saint rulers reflect different dominant social perceptions of authority.

Keywords: sainthood, early Middle Ages, hagiography, saint queens, cults of saint rulers, Radegund, Olav, Saga, Christianization

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Humanitarian Science Foundation (project no. 15-01-00353).

⟨ *Для цитирования:* Бикеева Н.Ю., Мокрополова А.Д. Культы святых правителей в раннесредневековой Европе: взаимосвязь религиозного и политического // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 6. – С. 1448–1458. ⟩

⟨ *For citation:* Bikeeva N.Yu., Mokropolova A.D. The cults of holy rulers in the early medieval Europe: The interaction between religious and political aspects. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 6, pp. 1448–1458. (In Russian) ⟩